
К.Е.
ПОСЛЕ СИГНАЛА
18+
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

К. Е.
После сигнала

https://litres.ru/74775529
SelfPub; 2026

Аннотация

Нина Серебрякова умеет возвращать голоса с повреждённых плёнок. Но однажды на старой записи она слышит себя — девочку, чьи показания отправили отца в тюрьму.

Двадцать восемь лет назад в пожаре погибла её младшая сестра. Нина давно привыкла жить с тем, что случилось. Всё меняется, когда врач из бывшего детского санатория приглашает её разобрать свой архив. Приехав на встречу, она находит его убитым. Рядом продолжает работать магнитофон.

Теперь Нине предстоит восстановить события той ночи. Родные уклоняются от вопросов, свидетели противоречат друг другу, а записи расходятся с её воспоминаниями.

Содержание

Часть первая. Копия 5
1 5
2 14
3 22
4 31
5 44
6 58
7 68
Конец ознакомительного фрагмента. 80

К. Е.
После сигнала

После сигнала
Психологический детектив

Часть первая. Копия

1

Из-за двери говорила девочка, которую Нина не сразу узнала.

— Если я скажу, ты тоже уедешь?

Потом что-то щёлкнуло. Мужчина попросил подвинуть стул.

Нина остановилась на площадке. Внизу, у входа в архив, она стряхнула с зонта воду, но рукав всё равно намок; холодный шов прилип к запястью. За дверью сопел ребёнок. Вдох через нос, два коротких выдоха, ещё вдох. Так дышат, когда плакать уже запрещено, а перестать пока не получается.

Валерий Андреевич говорил по телефону, что будет один.

— Это Нина, — сказала она.

Дверь была приоткрыта. Полоса линолеума под ней тускло блестела. Нина постучала костяшкой в филёнку и толкнула дверь.

Первым она увидела магнитофон. Большой, с двумя катушками и откинутой металлической крышкой. Приёмная катушка вращалась, левая лениво отдавала коричневую ленту. На столе рядом лежали очки. Одно стекло было заляпано чем-то тёмным.

Лунин находился между столом и батареей. Он сидел на полу, будто полез за упавшей вещью и решил передохнуть. Седые волосы над правым ухом слиплись. Правая нога была подогнута, левая вытянута к двери, носок домашней туфли загнулся вверх.

— Валерий Андреевич?

На плёнке скрипнул стул.

Нина сделала шаг и остановилась. У батареи, там, где стена сходилась с полом, темнела широкая неровная полоса. Она не сразу поняла, что это кровь: свет сверху был жёлтый, вечерний, как в школьной раздевалке.

— Вы его видели после ужина? — спросил мужчина из динамика.

Нина вытащила телефон. Пальцы открыли список последних вызовов, закрыли, попали в камеру. Она заставила себя смотреть на экран.

— Мне нужна скорая. И полиция. Архив на Кабельной, девять. Второй этаж. Человек на полу, кровь на голове.

Оператор спрашивала, дышит ли он.

Лунин не менял позы. У него была на удивление чистая шея: тонкая, с двумя складками над воротником рубашки. Нина вспомнила, как утром он просил не называть его доктором. «Я давно уже никого не лечу».

Она присела у его левого плеча, обошлась без прикосновения к лицу, взяла за запястье. Кожа была прохладная. Под подушечками пальцев ничего не происходило, кроме её соб-

ственного пульса. Оператор велела проверить дыхание и затем объясняла, куда положить ладони.

На полу не хватало места. Нина отодвинула стул ногой, потянула Лунина за плечо. Его голова качнулась; справа, за ухом, оказалась рана, которую прежде закрывали волосы. Кровь попала ей на манжету.

Мужчина в магнитофоне сказал:

— Не торопись. Мы можем начать сначала.

Нина нажимала на грудь, сбиваясь со счёта, выпрямляла локти, как ей говорили, и снова нажимала. Через несколько минут на площадке затопали. Её отстранили, спросили имя, спросили, сколько времени она здесь. Она не могла вспомнить. Телефон по-прежнему сообщал оператору, что сейчас приедет бригада.

— Уже приехала, — сказала Нина и отключилась.

Пока врач осматривал Лунина, она стояла у двери. Девочка на ленте отвечала совсем тихо. Полицейский в расстёгнутой куртке спросил, можно ли выключить «эту штуку». Нина покачала головой, сама не зная, что запрещает.

— Это запись. Она уже шла, когда я вошла.

— Включали, перематывали?

— Нет.

Он взялся за рацию.

У магнитофона лежала картонная коробка с вытертым углом. На крышке синим фломастером было написано: «Серебрякова Н. Беседа 1. 23.IX.97». Нина прочитала один раз,

потом ещё раз, слово за словом. Её фамилия. Её первая буква. Дата через три дня после пожара.

— Кто запер дверь? — спросил Лунин, и она узнала его голос, молодой и усталый.

Ребёнок втянул воздух.

Нина посмотрела на мёртвого человека у батареи. На записи ему было сорок четыре; он мог подняться, открыть окно, выйти из комнаты. Мог выключить магнитофон.

— Мужчина, — ответила девочка.

— Какой мужчина, Нина?

Между катушками подрагивал край ленты.

— Папа.

Полицейский говорил с кем-то по рации. Врач расправлял на полу простыню. В коридоре появился ещё один человек, в тёмно-синем свитере, с мокрыми волосами, примятыми шапкой.

— Кто обнаружил?

— Я, — сказала Нина.

— Пройдёмте вниз.

— Это я там разговариваю.

Он посмотрел на магнитофон, потом на неё.

— На записи?

Она кивнула.

— Её нужно сохранить целиком. Не только слова. Саму ленту, коробку…

— Сохраним. Сейчас выйдите, пожалуйста.

Внизу, в комнате охраны, пахло разогретой гречкой. На настенном мониторе четыре окна показывали пустые коридоры. Пятое было чёрным. Под экраном стояла банка со сломанными шариковыми ручками, и Нина зачем-то принялась их считать.

Человек в свитере представился: следователь Рогов. Положил на стол удостоверение, дождался, пока она посмотрит. Спросил о времени. Вызов скорой остался в телефоне — 20:06. В архив она вошла в 20:02: охранник показывал ей, где расписаться, ещё шутил, что посетителей после восьми положено превращать в сотрудников.

— С Валерием Андреевичем была договорённость?

— На восемь. Он хотел показать записи. Сказал, архив принял оборудование, но для лент нужен отдельный специалист.

— Вы специалист?

— Реставратор звука. Работаю в Петербурге. С частными коллекциями, иногда с музеями.

— А с ним вы были знакомы раньше?

За спиной Рогова закрыли дверь. На секунду Нине показалось, что она снова должна правильно ответить, чтобы можно было уйти.

— Он лечил меня после пожара. В девяносто седьмом. В «Соснах».

Рогов не стал изображать, будто ничего не слышал о пожаре. Отодвинул банку с ручками, развернул лист.

— Тогда погибли дети?

— Пятеро. В том числе моя сестра.

— А запись той беседы у вас когда-нибудь была?

— Нет. Я вообще не знала, что она есть.

Из приоткрытой двери тянуло сквозняком. В коридоре спорили о машине: кому-то нужно было отъехать от ворот, кому-то — наоборот, встать ближе. На стене комнаты охраны висел календарь за прошлый месяц с фотографией озера. Двадцать третье октября было обведено, остальные числа перечёркнуты косыми линиями.

— Вы сказали полиции, что нельзя выключать магнитофон, — произнёс Рогов.

— Я сказала, что не включала его.

— Понятно. Кроме разговора, что-нибудь слышали, когда поднимались?

— Только магнитофон.

— Не торопитесь.

Она подняла голову.

— Не говорите так.

Он подождал.

— Извините. Просто он там тоже это говорил.

Рогов записал что-то у края листа.

Телефон завибрировал на столе. Мама. На фотографии, поставленной года три назад, она щурилась, держа ветку укропа. Фотография получилась случайно; мать всегда жаловалась, что на ней похожа на торговку с рынка, но другую

не прислала.

— Ответьте, если нужно, — сказал Рогов.

Нина взяла телефон.

— Мам, я задержусь.

— Ты ещё у него?

— В архиве.

— Что с голосом?

Нина посмотрела на Рогова. Тот перевернул лист и ждал.

— Валерий Андреевич умер.

Связь не прервалась: в трубке тонко дребезжала вода, наверное, мать мыла посуду. Потом вода перестала.

— Как умер?

— Я пришла, он был на полу. Здесь полиция. Я позвоню позже.

— Ты ничего не трогай.

— Мам…

— Я приеду.

— Не надо. Меня ещё опрашивают.

— Тогда не иди пешком. Там переулок совсем тёмный. Я тебе на такси переведу.

— У меня есть деньги.

Рогов отвёл взгляд к монитору. Нина сбросила вызов и положила телефон экраном вниз.

— Она знала, что вы сегодня придёте?

— Да. Я у неё остановилась.

— Хорошо. И ещё раз: что вы успели увидеть в кабинете

до того, как позвонили?

Она рассказала про стол, очки, кровь. Про коробку. Про туфлю. Только сейчас вспомнила, что на подоконнике стоял стакан с ложкой: мутный налёт поднялся до половины стекла, а ложка торчала ручкой вбок. Рядом на выгоревшей краске было светлое прямоугольное пятно и два винта.

— На подоконнике что-то лежало раньше, — добавила она.

— Что?

— Не знаю. Осталось чистое место.

Рогов записал.

— До утра вы в городе?

— Я на четыре дня приехала.

— Оставьте адрес. И пока никуда не уезжайте без разговора со мной.

Когда её наконец выпустили, дождь прекратился. На ступеньке лежал мокрый каштан, раздавленный чьим-то ботинком. Таксист открыл окно и спросил, она ли Нина. Из машины громко рассказывали, как вылечить бессонницу.

Она села сзади. Запах ванили от пластмассовой ёлки оказался почти невыносимым.

На следующем светофоре Нина включила диктофон в телефоне и сказала:

— Шестое ноября. Двадцать два сорок восемь. Я вошла, запись уже воспроизводилась. Коробка лежала слева. На ней было написано «Беседа один». Я слышала собственный го-

лос.

Водитель глянул в зеркало.

Нина остановила запись и послушала начало. Собственный голос звучал сухо и деловито. Она не стала записывать заново.

2

Мать открыла раньше, чем Нина достала ключ.

На ней была серая кофта с закатанными рукавами. Она потянулась обнять, но замерла, заметив манжету.

— Это его?

— Да.

— Снимай. Замочим холодной водой.

В прихожей ничего не изменилось с прошлого приезда: под зеркалом лежала щётка для обуви в обломанном пластиковом футляре, на крючке висел складной рожок. Только коврик заменили. Новый был с надписью WELCOME, и мать поставила на буквы металлический поддон для мокрых ботинок.

Нина сняла пальто, не расстёгивая нижнюю пуговицу. Пришлось вывернуть руку. Мать подхватила одежду, глядя на пятно.

— Я сама, — сказала Нина.

— Ты иди умойся.

В ванной на бельевой верёвке висела сумка: тёмно-коричневая, стёганая, с длинными ручками. Подкладку вытянули наружу, она свисала розовым мешком. Внизу стоял таз с сероватой водой.

Нина повернула кран. На ладони была засохшая полоска у основания большого пальца. Она намылила руки, потёрла

ногтем. Вода ушла в слив; полоска осталась. Пришлось намылить ещё раз.

— Суп вытек, — сказала мать от двери. — Крышку плохо закрутила.

— Что?

— Сумку отстирываю. Ты на неё смотрела.

— А.

Мать шагнула в ванную, взяла с полки старую зубную щётку и принялась чистить манжету. Нина уступила ей раковину.

На кухне её ждала тарелка с двумя котлетами под другой, перевёрнутой тарелкой. Мать сняла верхнюю, пощупала нижнюю ладонью.

— Уже холодные. Сейчас погрею.

— Не хочу.

— Ты с обеда не ела.

— Я ела в поезде.

— В поезде ты вчера ела.

Котлеты отправились в микроволновку. Нина села на табурет, упёрлась пятками в поперечину. Под столом гудел маленький обогреватель. В квартире было жарко, но ноги отказывались согреваться.

Галина Павловна поставила перед ней чашку. Ту самую, с облупившейся золотой полоской. Новые чашки стояли в шкафу; эту мать доставала только для Нины, потому что та когда-то сказала, что из неё чай вкуснее.

— Он болел? — спросила мать.

— Не знаю.

— Сердце у него было. Ещё тогда.

— Мам, у него рана на голове.

Микроволновка загудела тише, снова громче.

— Упал?

— Полиция разбирается.

Мать открыла дверцу до сигнала.

— А ты зачем одна пошла? Я ведь могла с тобой.

— Мы договаривались работать.

— В восемь вечера?

— Он просил после закрытия. Чтобы тихо было.

Мать положила рядом с котлетами вилку и хлеб. Стала вытирать стол, хотя на нём не было крошек.

— Что за работа-то?

Нина рассказала ей об этом ещё утром: старые записи, оцифровка, опись. Теперь повторила. Ей хотелось говорить медленно, чтобы между вопросом и ответом оставалось место.

— Он меня не предупредил, что там я, — сказала она.

Тряпка остановилась у края стола.

— В каком смысле?

— На плёнке. После пожара. Я отвечаю на вопросы. Почему ты никогда не говорила, что он меня записывал?

— А ты спрашивала?

Мать расправила тряпку на спинке стула.

— Я сама могла не знать. Там столько врачей было. К тебе пускали на десять минут. Помнишь, как ты просила яблоко, а потом не могла его есть?

Нина не помнила яблоко. Помнила пластиковый стакан с водой и коричневую сетку на подушке, которую царапала щекой. Иногда ей снился не пожар, а эта сетка: хотелось повернуться на другой бок, но кто-то велел лежать спокойно.

— Ты была на беседах?

— Когда как. Не всё время.

— Он спрашивал про папу.

Мать села напротив. Теперь между ними стояла тарелка.

— Нин, давай не сегодня.

— Я не про папу. Про запись.

— Запись чего?

— Ты же слышишь.

— Я слышу, что ты сейчас на себя не похожа. Ты увидела… такое увидела. Поешь сначала.

Нина отрезала кусок котлеты. Внутри был лук, мелко натёртый, почти сладкий. Мать всегда натирала лук, потому что Лида выковыривала кусочки. Уже двадцать восемь лет никто не выковыривал, а она всё натирала.

— Что он тебе говорил, когда приглашал? — спросила Галина Павловна.

— Что у него материалы по «Соснам». Что он хочет привести всё в порядок.

— Поздно спохватился.

— Почему?

— Потому что столько лет прошло.

Мать потёрла переносицу, оставив под глазами две розовые полосы.

— Ты думаешь, мне приятно, что он умер? Я просто говорю. Он мог раньше всё отдать, если у него что-то было.

— Что именно?

— Откуда мне знать? Бумаги. Истории болезни.

Они помолчали. За стеной коротко застучали: соседка с верхнего этажа имела привычку отбивать ложкой лёд от морозильника, и этот стук разносился по трубам как ремонт.

— Ещё чай будешь?

— Нет.

— Лампа-то там до сих пор не работает?

Нина подняла глаза.

— Какая лампа?

— Настольная. С зелёным колпаком.

В кабинете действительно стояла такая лампа. Она не горела, но Нина не проверяла, исправна ли.

— Ты там была?

— В архиве? Была, конечно. Сколько мы с Шубиным справок собирали. По выплатам. И в прошлом году я туда ходила, когда тёти Тонины документы искала.

— Он же только сейчас туда переехал.

— Кто?

— Лунин.

— Лампа архивная. Нин, ты что ко мне привязалась?

Мать сказала это без злости, устало. Нина отложила вилку. На тарелке осталась одна котлета и половина второй.

— Я не привязалась.

— Я вижу.

Галина Павловна забрала тарелку, закрыла другой и поставила в холодильник. Потом подошла к Нине сзади и положила ладони ей на плечи. Пальцы были холодные, влажные после стирки.

— Хорошо, что ты не одна живёшь. Хоть эти дни побудешь со мной.

Нина сидела не двигаясь. На столе лежал материн телефон в чехле, из которого высовывался аптечный чек. Длинная узкая бумажка, перечёркнутая пополам заломом.

В своей комнате Нина обнаружила свежую наволочку, сложенную пижаму и зарядное устройство, которое оставила здесь весной. Диван был уже разложен. На книжной полке всё ещё стояли её школьные словари, хотя мать давно спрашивала, можно ли их отдать.

Лида занимала нижнюю полку: фотография в рамке, деревянный заяц с одним ухом и маленькая глиняная чашка, которую она слепила в санатории. Чашку обожгли плохо, по донышку шла трещина. Мать каждый год мыла её перед двадцатым сентября и ставила обратно.

Нина легла, не включая верхний свет. В окне отражалась полоска коридора. За стеной мать открывала и закрывала

шкаф, раскладывала что-то, шаркала тапками.

Она достала телефон, хотела переслушать свою запись из такси, но открыла сообщения от Лунина.

«Жду в четверг в 20.00. Кабельная, 9. При входе Вас предупредят. Документы и носители передаются архиву, доступ согласован. В. А.»

Выше, отправленное в понедельник:

«Речь не только о качестве звука. Мне нужно, чтобы Вы услышали сами. Не прошу ничего решать заранее».

Она тогда ответила: «Работу и личное лучше разделить. Посмотрю состояние плёнок, дальше договоримся».

Лунин поставил палец вверх.

Нина выключила экран.

В детстве ей разрешили вернуться домой из больницы, когда она перестала спрашивать о Лиде каждый час. Она помнила, как мать застёгивала на ней пальто. У пальто не совпадали пуговицы с петлями; пришлось начать заново. Мать всё время поправляла воротник, хотя он лежал ровно.

«Только мы с тобой остались, — сказала она. — Ты же не хочешь, чтобы и меня забрали?»

Нина помнила эту фразу. Никогда не забывала. Она лежала среди других материнских слов, рядом с «не пей холодное» и «деньги переложи во внутренний карман». Взрослая Нина давно объяснила её себе: женщина потеряла ребёнка, боялась потерять второго, несла чепуху от горя.

Из ванной донёсся звук отжимаемой ткани.

Нина натянула одеяло до подбородка и не стала проверять, что именно мать всё ещё стирает.

3

Утром Галина Павловна собиралась в поликлинику.

На стуле в кухне стояла другая сумка, из плотной серой ткани, с рисунком из вишен. Мать перекладывала в неё паспорт, бахилы и пакет с результатами анализов.

— Принтер у них опять не работает, — сказала она. — Присылают мне всё в телефон, будто я там разберу. Хорошо, Лена распечатала.

Нина разрезала хлеб. Нож шёл с трудом: корка за ночь стала резиновой.

— Ты вчера тоже в поликлинике была?

— В аптеке. Что?

— Ничего.

— Сходи после следователя к Ирине. Давление хотя бы измерит.

— Мне не нужно.

— Я вижу, как тебе не нужно. Вся серая.

Мать взяла ключи. На кольце висел чёрный кожаный квадратик с выдавленной буквой «Г». Нина видела его всю жизнь. Внутри когда-то лежал жетон от гардероба, но молния давно разошлась, и мать пользовалась чехольчиком как брелоком.

— Ты во сколько вернёшься?

— Не знаю.

— Я суп оставлю. Только разогрей нормально, не ешь из холодильника.

У двери мать задержалась.

— Про папу если спросят, говори, что помнишь. Не надо додумывать.

Нина положила нож.

— Почему должны спросить про папу?

— Ты сама вчера сказала, там его имя. Они теперь всё вытащат.

Дверь закрылась негромко. Мать всегда придерживала её в последний момент, чтобы не хлопнуть. Отец так не умел. Возвращаясь, он сначала толкал дверь плечом, потом ругался, что заедает замок.

Нина поехала к Рогову на автобусе. Такси казалось продолжением вчерашнего вечера, которого ей не хотелось. В автобусе пахло мокрым войлоком и дешёвым кофе. Школьник ел булочку, стряхивая кунжут на раскрытую тетрадь. Напротив сидела женщина с букетом хризантем, обёрнутым газетой; на сгибе газеты виднелась фотография Лунина.

Нина прочитала заголовок вверх ногами. «Трагедия в городском архиве». Дальше не стала.

У следователя оказался обычный кабинет с одним большим окном. Подоконник занимали папки. На спинке запасного стула сохла тёмная куртка. Рогов был в том же синем свитере, но волосы высохли и торчали на затылке.

— Чай? Вода?

— Вода.

Он достал запечатанную бутылку и пластиковый стакан, который Нина не взяла.

Сегодня всё делалось иначе: полные сведения, место работы, объяснение прав, подпись. Рогов включил запись, назвал дату. Когда попросил рассказать с момента, когда Лунин впервые с ней связался, Нина открыла переписку и положила телефон между ними.

Он читал, не листая дальше разрешённого.

— «Мне нужно, чтобы Вы услышали сами». Вы это как поняли?

— Как человек пытается получить мою работу за половину стоимости.

Рогов посмотрел на неё.

— Извините, — сказала она. — Мы так всё время получаем запросы. «Это не коммерческий проект, это память моей семьи». Я не знала, что там моя семья тоже.

— Оплату обсуждали?

— Да. За обследование носителей и пробу. Обычная ставка, я пришлю договор. Он не подписал, потому что мы ещё не видели материал.

— Вы с ним виделись в этот приезд до вчерашнего вечера?

— Нет. Утром говорили по телефону. Он уточнял, нужен ли мне автомобиль, чтобы забрать аппаратуру. Я объяснила, что пока ничего забирать не буду.

Рогов перешёл к пожару.

Нина отвинтила крышку бутылки. Кольцо отделилось с сухим треском.

— Вам нужно, что я помню, или что было в деле?

— Для начала разделите это сами.

Она попробовала.

В санатории они жили почти весь сентябрь: у Лиды были приступы ночного удушья, её долго обследовали, у Нины — экзема, расчесанные сгибы рук, бессонница. Мать работала старшей медсестрой. Отец обслуживал электрику по договору. Днём детей учили в пристройке, вечером разводили по палатам. Нина могла бы жить дома, но мать говорила, что возить её через весь город неудобно.

Двадцатого сентября загорелся первый этаж. Это она знала из дела. Сама она помнила дым, слишком горячий воздух у лица и чужую ладонь на затылке. У окна стоял человек, который велел держаться за его шею. Потом была мокрая трава. На ней лежала стеклянная банка, и Нина боялась наступить босой ногой.

— Дверь помните? — спросил Рогов.

— Помню дверь в конце коридора. Серую, железную. На ней висела табличка, что она запасная.

— Когда вы её видели закрытой?

Нина покрутила бутылку между ладонями.

— До пожара. Вечером.

— Кто её закрывал?

— На записи я сказала, что отец.

— Я спрашиваю, что вы помните сейчас.

За окном проехал грузовик. Стекло дрогнуло, на секунду кабинет заполнился низким гулом.

— Жёлтый рукав, — сказала Нина. — Ключ. Но я столько раз это рассказывала, что уже не уверена, где я видела, а где потом представляла. У отца был жёлтый рабочий плащ. Такой длинный, с отражающей полосой.

Рогов что-то записал.

— Вы выступали в суде?

— Да. Со мной была педагог. Я помню её духи. Сам суд — хуже.

— Отец признавал, что запер дверь?

— Нет. Признавал, что не доделал проводку.

— Вы общались после приговора?

Она сказала, что нет, и сразу захотела уточнить. Отца не просто не навещали. Его отсутствие тщательно обслуживали: письма складывали в ящик, мать читала их одна; на вопрос о свидании отвечала, что он опять злится и пока лучше не надо. К четырнадцати Нина научилась не спрашивать. В шестнадцать узнала, что он умер.

— Через мать, — добавила она. — Он ей писал.

— Письма остались?

— Наверное. Я не видела.

Рогов вернулся к вчерашнему кабинету. Попросил нарисовать, где стоял стул, как лежала коробка, в какой руке у Нины был телефон. Она изобразила стол, подоконник, маг-

нитофон. На листе всё получилось аккуратно и просторно. На самом деле она всё время обо что-то задевала.

— Там должна быть ещё коробка, — сказала она.

— Почему?

— Установлена была маленькая катушка. На восемнадцать сантиметров. Коробка рядом — под двадцать седьмую.

Он наклонился к рисунку.

— Вчера вы про размер не говорили.

— Я только сейчас поняла, что меня смутило. Когда вы просили описать. Внутри коробки на картоне был круг. Большой. От катушки, которая там долго лежала.

— А маленькую катушку нельзя положить в большую коробку?

— Можно. Можно переложить, перепутать крышки. Это не доказательство подмены. Но я бы проверила.

— Вы уверены в диаметре?

— В том, что катушка меньше коробки, — да. Точно измерить по памяти не могу.

Рогов дописал её слова к протоколу. Нина прочла, попросила заменить «запись подменили» на «носитель мог храниться в другой коробке».

Он исправил без спора.

— Вы можете показать мне фотографию стола? Я бы сказала…

— Пока нет.

— Это моя запись.

— На месте предполагаемого убийства. И вы свидетель.

Она положила ручку.

— Предполагаемого?

Рогов не ответил сразу.

— Мы проверяем обстоятельства насильственной смерти. Большего сейчас сообщить не могу.

Он спросил, кому Нина рассказывала о приглашении. Матери, редактору, которому обещала закончить звук к понедельнику, бывшему мужу. Последнее она вспомнила, открыв чат: Павел ответил на её «Буду в Лесогорске» двумя сообщениями о том, что там отвратительный вокзальный кофе, и одним — «К Лунину зайдёшь?».

Тогда она не удивилась. Павел знал всех, у кого хранилось хоть что-нибудь пригодное для записи.

Рогов попросил назвать его фамилию и телефон.

— Он в Петербурге, — сказала Нина.

— Я понял.

В коридоре её ждал Сергей Шубин.

Она узнала его не по лицу — по тому, как он сидел: колени широко, обе ладони между ними, шапка сжата в кулаке. Так он сидел на встречах родителей, на годовщинах, в больничном холле. В детстве ей казалось, что это особая взрослая поза людей, у которых умерли дети.

Теперь под его шапкой лежал пакет с памперсами для взрослых.

— Нинка?

Он поднялся. На куртке у него оторвалась половина липучки; белые нитки тянулись вдоль груди.

— Здравствуйте.

— Мать сказала, приехала. Думал зайти, да тут…

Он мотнул головой к двери кабинета.

— Вы тоже у него были? — спросила Нина.

Шубин сжал шапку.

— Когда?

— Вчера.

— Мне что, делать нечего?

Он ответил быстро, с прежней, знакомой ей обидой. Нина уже хотела объяснить, что спрашивала не об архиве, а вообще, но дверь открылась.

— Сергей Викторович? — Рогов посмотрел на Шубина. — Проходите.

Тот поднял пакет, увидел, что Нина на него смотрит, и развернул этикеткой к ноге.

— Мать береги, — сказал он ей. — Она у тебя одна.

Нина отступила, пропуская его в кабинет.

На улице она позвонила Павлу.

— Ты откуда знал, что я иду к Лунину?

Он молчал дольше, чем требовалось, чтобы перестать жевать или выключить звук.

— Нин, ты сейчас где?

— Ответь.

— Я сам собирался тебе сказать.

Слева от здания следственного отдела работала пекарня. В окно вынимали противень, и Нина почувствовала горячее тесто, масло, пригоревший сахар. Она смотрела, как продавщица берётся за край полотенцем, складывает его вчетверо и снова берётся.

— Что именно?

— Мы с ним договаривались о программе. Он мне позвонил в сентябре. Потом назвал тебя. Я дал контакт.

— Он мне сказал, нашёл мой сайт.

— Я дал ссылку.

— Ты понимаешь, что это разные вещи?

— Понимаю.

— И?

В трубке кто-то позвал Павла по имени.

— Я выйду. Секунду.

— Не надо.

— Нина, я приеду. Куплю билет на вечер.

— Зачем?

Он не успел ответить. Нина отключилась и убрала телефон во внутренний карман.

4

В архив Нину не пустили.

Вчерашний охранник сменился женщиной с коротко остриженными волосами. Она выслушала, посмотрела на принесённый Ниной паспорт и сказала, что читальный зал работает со вторника, а сегодня пятница.

— Я к директору.

— По записи?

— Я вчера здесь была.

Женщина убрала руку с журнала.

— Знаю. Посидите.

На стуле у батареи лежала картонная коробка с пакетами для мусора. Нина переставила её на пол. Из здания напротив вышли две школьницы в одинаковых коротких куртках, стали фотографировать крыльцо. Одна показала другой, как поднять телефон повыше, чтобы в кадр попала вывеска.

Нина отвернулась от стекла.

Директор спустилась сама. Невысокая женщина с прямым пробором; волосы у висков были мокрые, словно она только что умылась. Из кармана кардигана торчал треугольник бумажного платка.

— Марина Корнеева. Простите, я вас раньше видела на фотографиях. Сразу узнала.

— На каких?

— На сайте вашем. Валерий Андреевич показывал.

Они прошли в комнату на первом этаже. Здесь пахло клеем и пылесосом. На длинном столе лежали картонные папки, каждая под маленьким мешочком с песком. В дальнем углу гудела электрическая плитка с чайником.

— Я наверх вас не поведу, — сказала Марина. — Там ещё работают. Что вам нужно?

Нина заранее приготовила ответ: узнать, какие записи передал Лунин, сколько их было и сохранилась ли опись. Теперь он показался попыткой сделать вид, что она пришла по делу и всё ещё собирается уложиться в четыре дня.

— Мне нужно понять, что он от меня хотел.

Марина отвела ей стул. Сама осталась стоять, прислонившись бедром к столу.

— Он говорил: привести в порядок личный фонд. Хотел подарить архиву материалы по санаторию и по городской психиатрической службе. Мы пока приняли на временное хранение, без описания. Часть медицинских документов принять вообще не сможем в том виде, в каком он их принёс.

— А ленты?

— Одиннадцать коробок. Несколько бытовых кассет, большие катушки. Четыре без подписей.

— Одиннадцать коробок или одиннадцать носителей?

Марина впервые улыбнулась.

— Вот поэтому он вас и звал. У меня в штате два человека и половина системного администратора. Я умею проверить,

не разваливается ли плёнка. Всё остальное — как получится.

Она вытащила из папки копию акта приёма. Нина увидела список без фамилий: «Магнитные ленты на катушках, 11 единиц хранения», «Аудиокассеты компактные, 8 единиц», «Документы в папках, 6 связок». Внизу подпись Лунина, крупная петля на последней букве.

— Это вам можно показывать? — спросила Нина.

Марина убрала палец с листа.

— Сам перечень — да. Он не содержит чужих сведений. Всё остальное сейчас у следователя.

— Вы прослушивали ленты?

— Одну. Несколько минут.

Нина взглянула на неё.

— Какую?

— Вашу. Валерий Андреевич попросил проверить магнитофон. Я спросила, есть ли согласие человека на записи. Он сказал, вы приезжаете и до вашего решения никто материал не получит. Я не собиралась её слушать целиком.

— Когда это было?

— Во вторник. Четвёртого.

— И что там?

Марина села. Разгладила кардиган на коленях.

— Вы говорите, что не хотите спать в комнате одна. Он спрашивает, приходила ли мама. Потом я остановила. Звук был нормальный, немного плыл, но понять можно.

Нина смотрела на её рот. Слово «мама» она произнесла

буднично, как могла бы произнести «формуляр».

— Вы сохранили пробу?

— На компьютере. Я писала в файл, чтобы посмотреть уровень.

— Следователь знает?

Марина выпрямилась.

— Я вчера сказала про магнитофон. Про файл… Мы говорили, как я ушла, кто оставался. Мне казалось, всё заберут.

— Позвоните ему.

— Я могу сначала…

— Не открывайте файл. Не пересохраняйте. Просто скажите, что есть копия со вторника.

Нина услышала в своём голосе раздражение и смягчила тон:

— Если они заберут компьютер, им лучше знать, что искать. Вот номер.

Марина долго набирала, проверяя каждую цифру. Соединили её не сразу. Пока она объясняла, Нина смотрела на мешочки с песком: все сшиты из разной ткани, один — из детской рубашки с синими корабликами. В шве остался маленький перламутровый обломок пуговицы.

— Да, я здесь, — сказала Марина в телефон. — Нет, Серебрякова не слушала. Она спросила про опись… Хорошо. Не буду.

Положила трубку.

— Приедут. Просил вас тоже пока ничего не слушать, если Валерий Андреевич присылал.

— Он ничего не присылал.

— Совсем?

Нина достала телефон. В переписке были только сообщения и фотография шильдика магнитофона: Лунин уточнял модель. Она показала экран.

Марина кивнула. С улицы донёсся школьный звонок, приглушённый стеклом. Не электронная мелодия, а старый дробный дребезг.

— У вас напротив школа?

— Пятая. У них как раз актовый зал на нас выходит. Когда репетируют, мы это в записях слышим. Даже с закрытыми окнами.

Телефон Марины вспыхнул. Она посмотрела и погасила экран, не ответив. Через несколько секунд он вспыхнул снова.

— Ответьте, — сказала Нина.

Марина отошла к двери.

— Дим, я на работе… На подносе, слева… Нет, зелёную не надо. Зелёную после еды. Сфотографируй, я посмотрю.

Она слушала, прижав свободную ладонь к уху.

— Я не злюсь. Просто сфотографируй. Я вечером всё по коробочкам разложу.

Закончив, она не стала объяснять, кто звонил. Взяла акт и вернула в папку.

— Чем ещё могу помочь?

— Документы по пожару у вас есть?

— Муниципальная комиссия. Приказы отдела здравоохранения, переписка по ремонту. Судебного дела нет. Его нужно отдельно искать.

— Мне можно посмотреть комиссию?

— Подайте запрос. Я проверю ограничения и наличие. Не обещаю сегодня.

Нина заполнила заявление. Название санатория вывела печатными буквами. Марина наблюдала, не комментируя. Когда Нина дошла до цели исследования, сказала:

— Можно написать «личный интерес». Не обязательно придумывать диссертацию.

На выходе из комнаты Нина заметила на стенде фотографию прежнего здания архива. Пять женщин стояли на ступенях в зимних пальто, без шапок, одна держала огромную связку ключей. Подпись: «Коллектив городского архива. 1996 год».

У второй справа были те же близко посаженные глаза, что у Марины.

— Мама? — спросила Нина.

Марина посмотрела на снимок так, будто давно его не замечала.

— Да. Вера Николаевна.

— Тоже здесь работала?

— До две тысячи седьмого.

Она встала между Ниной и стендом, поправляя криво висевшее объявление. В объявлении просили не пользоваться скотчем при ремонте документов.

С улицы в стекло ударила вспышка. Школьницы всё ещё фотографировали архив.

* * *

Адрес Шубина мать дала сразу.

— Только долго не сиди. У него Тамара совсем плохая.

— Я позвоню сначала.

— Она телефон прячет. Вчера он у меня с него звонил, свой найти не мог. Под кроватью оказался.

Нина шла по улице вдоль гаражей. Шубины переехали сюда лет пятнадцать назад, но ей казалось, что они по-прежнему живут в квартире над магазином тканей, где после поминок на балконе стояла кастрюля с котлетами. Окна их нынешнего дома выходили на шиномонтаж. На заборе сушились вымытые резиновые коврики.

Шубин открыл с полотенцем через плечо.

— Предупреждать надо.

— Я звонила.

— А. Да.

Он пропустил её, быстро закрыл дверь. На тумбочке стоял прибор с короткой трубкой и резиновой маской. Рядом лежала половина яблока на блюдце, уже коричневая по срезу.

— Проходи на кухню. Если скажет, что ты Люба, не спорь.

Тамара Алексеевна сидела у окна в кресле на колёси-

ках. Нина ожидала увидеть старуху, но лицо почти не изменилось: круглое, с ямочкой у рта. Поменялось выражение — исчезла привычная настороженная вежливость. Тамара смотрела прямо и не улыбалась.

— Здравствуйте, — сказала Нина.

— Мужа ждёшь?

— В гости пришла.

— Он до шести. Раньше не вернётся.

Шубин развернул кресло на несколько градусов, чтобы жене не дуло из окна.

— Сейчас придёт. Вот с Ниной поговорим, и придёт.

Она раздражённо оттолкнула его руку.

На кухне стояла раскладная кровать. Одеяло было завёрнуто вокруг подушки и стянуто ремнём. Шубин убрал с табуретки миску с мокрыми ложками.

— Ремонта нет, не разглядывай.

— Я не разглядываю.

— Все так говорят.

Он поставил чайник, вынул из кармана пачку сигарет и вернул обратно.

— Ну?

Нина сказала, что ищет документы по пожару. Что Лунин собирался дать ей послушать старые записи. Не сказала про «папу» на плёнке: захотелось сначала увидеть, что сделает Шубин с пустым местом.

— Зачем тебе?

— Там мой голос.

— И что? Голосов было полно. Передачи снимали. До сих пор крутят.

— Это не передача. Беседы после больницы.

Шубин налил в чашки кипяток. В её положил пакетик, в свою насыпал чай из жестяной банки. Двигался медленно, но не от возраста — прислушивался к комнате.

— Лунин тогда с вами общался? — спросила Нина.

— Со всеми общался.

— Вы ему верили?

— Мать твоя верила.

— Я спрашиваю про вас.

Он подтолкнул к ней сахарницу.

— А у меня выбор был? Ты меня сейчас как спрашиваешь — он хороший был или плохой? Он Кольку мне выносил. Не вынес. Это два разных дела. Я их двадцать восемь лет пробую сложить, не выходит.

Нина взяла чашку за ручку. Шубин заварил чай слишком крепко. Она забыла, что раньше он всегда предлагал молоко.

— У вас бумаги остались? Копии комиссии, письма?

— Все остались. Кому они нужны теперь?

— Мне.

— Тебе мать не даст. Опять начнёт давление мерить.

За стеной что-то упало. Шубин встал прежде, чем Тамара позвала.

Нина слышала их разговор: «Я сама», «Вижу, что сама»,

«Не трогай меня», потом шорох, вода, тихая ругань Шубина, обращённая уже не к жене, а к вещи. Она сидела, глядя на стол. На клеёнке были распечатаны кружки с кофе; возле настоящей чашки нарисованный блик казался мокрым.

Когда Шубин вернулся, рукава у него были закатаны. Под правым локтем тянулся свежий красный след.

— Зацепились, — сказал он, заметив её взгляд. — Она думает, я чужой иногда. Сегодня ничего, спокойная.

Он достал из шкафа папку с лопнувшей завязкой. Нина увидела газетные вырезки, кальку, квитанции на заказные письма.

— Забирать не дам.

— Можно сфотографировать?

— Сфотографируй. Только Тамару нигде не снимай.

В папке лежало три одинаковых ответа на обращения: в возобновлении проверки отказано, новых обстоятельств не установлено. Шубин развернул копию жалобы, показал строки про закрытый выход.

— Твой отец говорил, у него ключа не было. У Лунина в объяснении — ключ хранился в ординаторской. А у завхоза — выдавался дежурному. Три человека, три ответа. Я их этим два года долбил.

— И что?

— И ничего. Потом твои показания подвели. Видела отца у двери — значит, был ключ. Так у них получилось.

Шубин говорил без нажима, будто пересказывал историю

с неудачным ремонтом. Нина дождалась, когда он уберёт палец, и сфотографировала лист.

— Вы никогда мне этого не говорили.

— А ты спрашивала?

Она опустила телефон.

— Вы все так отвечаете.

— Кто все?

— Взрослые.

Шубин посмотрел на неё и вдруг коротко рассмеялся. Смех перешёл в кашель.

— Ну, Нинка. Тебе сколько уже?

— Тридцать девять.

— А моему Сашке сорок два. Мы ругаемся — он тоже всё время «вы». Вы не приезжаете, вы не звоните. Думает, мы с Тамарой один человек.

Он провёл ладонью по клеёнке, собирая невидимые крошки.

— Зовёт к себе. В Калининград. Квартира у него большая, лифт. А я как её повезу? Она меня-то не всегда узнаёт.

Нина хотела сказать, что, может быть, как раз поэтому и можно, но промолчала.

Внизу папки лежал конверт с напечатанным логотипом частной клиники. Шубин вытащил его прежде, чем она успела прочитать адрес, и убрал под чашку.

— Это не про пожар.

— Хорошо.

— Личное.

— Я поняла.

Из комнаты донеслось: «Серёжа!» Он вскинул голову.

— Чего, Тамар?

— Воды принеси.

Он наполнил маленькую пластиковую чашку, вставил трубочку. Подождал, но жена не позвала второй раз. Вернулся, поставил чашку у двери.

Нина сложила документы в прежнем порядке.

— Почему вы сказали утром, что не были у Лунина?

Шубин долго смотрел на клапан папки.

— Ты не следователь.

— Нет.

— Ему я ответил. Тебе не должен.

— Я не требую.

— Ты уже спросила.

Он встал и открыл форточку. Снизу потянуло горелой резиной. У шиномонтажа громко разговаривали мужчины, один уронил на асфальт железную деталь.

— Перед тем как идти, носки на кресле возьми, — сказал Шубин. — Мать просила передать. Тамара ещё когда вязала, связала. У меня целый ящик. На тебя как раз будут.

В прихожей Нина сунула носки в карман. Шерсть кололась через подкладку пальто.

Тамара Алексеевна смотрела в окно и водила пальцем по подлокотнику. Перед ней стояла вода с трубочкой. Шубин

переставил чашку ближе.

— Тамар, Нина уходит.

— Ну и пусть, — сказала она. — Чего держать-то.

5

Олег Лунин нашёл её сам.

Позвонил с незнакомого номера, назвал имя и сразу добавил:

— Это не по поводу вчерашнего. Хотя, конечно, по поводу.

Она стояла у остановки, грея руки о стакан кофе. От Шубина ушла с головной болью. В его папке не было ничего, что позволяло бы сказать: случилось другое. Были люди, двадцать восемь лет споривших о значении одних и тех же трёх фраз.

— Я возле рынка, — сказала Нина.

— Подожди. Минут через десять буду. Машину не бойся, у меня белая, без тонировки.

В детстве Олег был старше настолько, что не считался ребёнком. Семнадцать лет, мопед, мятые пачки сигарет. Он иногда привозил отцу обед, а Нина смотрела из окна, как он запускает двигатель ногой. Теперь из белого универсала вышел полноватый мужчина с сединой в короткой бороде. На воротнике пальто остался бумажный ярлык из химчистки.

— Ты совсем не изменилась, — сказал он и тут же сморщился. — Господи, зачем люди это говорят. Извини.

— Ты тоже.

Он рассмеялся, открыл заднюю дверь, сгрёб на сиденье

рулон бумаги и пластиковый футляр с циркулем.

— В кафе? Или просто в машине посидим?

— В кафе.

Он оставил машину на платной стоянке, проверил приложение, вернулся проверить номер на знаке. В телефоне раздался вызов.

— Вик, я занят… Нет, сегодня не получится… Я помню, что ты тоже человек. Вообще-то я не спорил… Бабушке скажи, что у меня встреча. Нет, не говори с кем. Просто встреча.

Отключившись, он убрал телефон в карман.

— Дочь. Шестнадцать. У неё сегодня человек умер, а завтра репетиция, на которую надо везти комбик. И оба события настоящие, она права.

В кафе работало отопление так сильно, что на стекле потели потёки. Олег заказал чёрный кофе и два сырника, Нина — воду. Он заметил её стакан с улицы, но ничего не сказал.

— Мне нужно спросить, — начал он. — Ты его… Как он лежал?

Нина опустила взгляд к меню, приклеенному под стеклом стола.

— Тебе полиция не рассказала?

— Я не смог спросить. Они говорили, я кивал. Потом вышел и понял, что ничего не знаю.

Она описала позу, но не рану. Олег сцепил пальцы перед чашкой. На безымянном не было кольца, только светлая вмятина.

— Он испугался, как думаешь?

— Я не знаю.

— Да. Прости.

Им принесли сырники. Олег отодвинул тарелку к краю и полез во внутренний карман. Вытащил сложенный конверт.

— Он оставил мне записку. Не вчера, раньше. Я в понедельник был у него. Хотел тебе передать при встрече.

В конверте лежала фотография: лето, дети на деревянных ступеньках, три пары босых ног. Лида справа, с поднятым к лицу одуванчиком. Нина прикрывает рот ладонью. Мальчик посередине тянется к одуванчику, хотя уже видно, что тот облетел.

На обороте шариковой ручкой: «Июнь 1997. Снял Олег».

— Это ещё до санатория, — сказал он. — На даче у отца. Вы приезжали с Галиной Павловной.

Нина перевернула фотографию обратно.

— Кто мальчик?

— Двоюродный брат. Тёмка. Не жил здесь почти, на лето привозили.

Она не могла вспомнить ни дачу, ни мальчика. Лиду помнила именно такой: короткая чёлка, коленки со ссадинами, ступня повёрнута внутрь. На снимках из материнской комнаты сестра всегда была нарядной, с бантами и напряжённой улыбкой. Здесь она смеялась во что-то за кадром.

— Можно взять?

— Для тебя и принёс.

Нина положила конверт в сумку отдельно от бумаг Шубина.

— Ты знал про записи?

Олег подвигал чашку, оставив на стекле влажный круг.

— Знал, что есть. Не слушал.

— Он собирался их публиковать?

— Ему хотелось всё время что-нибудь начать. Мемуары, сайт, книгу про реформу психиатрии. Последние месяцы — этот архив. Я радовался, что занят. Потом он сказал, хочет исправить несколько вещей. Я подумал: ну, началось.

— Что именно исправить?

— Он не объяснял. С отцом так: сначала три часа, какой ты поверхностный, потом, если останется время, предмет разговора.

Олег взял вилку, разрезал сырник пополам, оставил.

— Ты давно с ним не общался?

— Я у него бывал каждую неделю. Это другой вопрос.

Нина кивнула.

— Он звонил мне вчера в шесть, — сказал Олег. — Просил привезти папку. Я привёз. Минут двадцать сидел. Потом ушёл.

— Ты видел других людей?

— Внизу техник возился. В коридоре женщина была, но я со спины. На первом этаже. Не знаю кто.

Нина потянулась к телефону, но остановилась.

— Ты это полиции сказал?

— Сказал. И про папку сказал.

Он сделал глоток, обжёгся, поставил чашку слишком резко.

— Что в папке?

— Наши документы. На квартиру. Я бы не хотел…

— Я не следователь, — сказала Нина.

Олег усмехнулся, отвёл взгляд к окну.

— А почему мне от этого не легче?

В кафе вошли двое мужчин в оранжевых рабочих куртках, заказали кофе и по три пирожка. Один засмеялся, откинув голову. Олег дождался, пока они отойдут от кассы.

— Отец решил продать квартиру. Мы с Викой там живём. Формально его. При разводе он дал деньги, мы оформили на него, чтобы не делить, всё очень умно сделали. Теперь он вспомнил, что недвижимость его, а взрослый сын должен сам обеспечивать ребёнка.

— Куда он хотел переехать?

— В свою вторую квартиру, Нина. Он не на улице оставался.

Она взяла бутылку воды, отвинтила крышку.

— Вы поругались?

— Да. Не из-за продажи даже. Он Вике сказал, что я мог давно всё решить, если бы меньше тратил. А Вика меня потом спросила, сколько стоит взрослому человеку не быть неудачником.

Его телефон снова зазвонил. Он перевернул его экраном

вниз.

— Программа твоего бывшего мужа — это платный проект?

Нина медленно поставила бутылку.

— Почему ты меня спрашиваешь?

— Отец упоминал гонорар. Что на него можно начать реставрацию какого-то корпуса. Я спросил, какой гонорар за разговоры по радио, он обиделся.

— Я не знаю условий.

— Ладно.

— Ты думаешь, я приехала за деньгами?

— Я думаю, я ничего не знаю. И пытаюсь не заполнять это тем, что мне удобно.

Он отломил кусочек сырника, но так и держал его на вилке.

— Мать твоя как?

— Не знаю. Суп варит. В поликлинику пошла.

— Они в последнее время созванивались.

— Она с половиной города созванивается.

— Я не к тому. Он просил, чтобы она приходила, когда ты приедешь. Встретиться втроём.

Нина услышала, как на кухне кафе упала ложка. Ударила о плитку, подпрыгнула, упала снова.

— Мне он сказал, что будет один.

Олег посмотрел на неё.

— Значит, передумал.

Они вышли вместе. Олег предложил подвезти её, но Нина отказалась. На прощание он неловко поднял руку, собираясь, кажется, коснуться плеча, и вместо этого поправил воротник. Бумажка из химчистки торчала у него под ухом.

— Сними, — сказала Нина.

Он оторвал ярлык, скомкал, стал искать урну.

Нина шла к остановке и держала в кармане конверт с фотографией. У неё было новое изображение сестры. Человек, от которого она его получила, боялся остаться без квартиры. Человек, который велел передать фотографию, уже не мог объяснить, зачем приглашал её мать.

На остановке Нина набрала Галину Павловну.

— Ты знала, что он хотел встретиться втроём?

— Кто?

— Лунин. Ты, он и я.

Мать что-то сказала в сторону, не ей. Послышался грохот колёс, женский голос назвал фамилию.

— Меня сейчас к врачу вызывают. Дома поговорим.

— Просто скажи: знала?

— Нина, я не могу. Здесь люди.

Нина осталась с телефоном у уха. Из динамика уже ничего не доносилось.

* * *

Женщина из фонда позвонила, когда Нина ещё ждала автобус.

Представилась Лилией Седых. Сказала, что номер дала

Галина Павловна, но сама она звонит от себя. Речь не об убийстве и не о передаче. Нужно буквально десять минут, и Нине, возможно, будет важно посмотреть документы.

— Какие документы?

— По территории «Сосен». Мы добиваемся, чтобы там не сделали торговый центр. Мама знает, она в попечительском совете. Я могу прислать. Но там лучше показать на схеме.

У Нины было полтора часа до того, как следовало ехать домой. Она спросила адрес. Фонд оказался в двух кварталах, на первом этаже бывшего Дома учителя. Нина пошла пешком.

На двери висела табличка «Тихий берег». Под ней — маленькая наклейка: «Пожалуйста, звоните, звонок тихий». Нина нажала, подождала. Внутри кто-то волочил по полу стул.

Лилия оказалась сухощавой женщиной в ярко-зелёных брюках и тёплой безрукавке. На пальце у неё было большое серебряное кольцо в форме листа. Она пожала Нине руку, не потянув к себе для объятия.

— Спасибо, что пришли. Или тебе? Я помню тебя совсем маленькой, но это не даёт мне права.

— Можно на ты.

— Мне тоже. Чай?

Нина отказалась. За столом у стены сидел молодой человек в наушниках и перекладывал фотографии на большой лист бумаги.

— Катин друг, — пояснила Лилия. — У нас сегодня выставка, а мы вчера только поняли, что у всех снимков разная высота. Не детей. Городские окна. Если захочешь остаться, в семь открытие.

Нина посмотрела на ближайшую фотографию. На ней было обычное окно с цветным бумажным петухом и сколом в нижнем углу. Она не ожидала найти здесь что-то, не связанное с пожаром.

Лилия провела её в соседнюю комнату. На стене висела карта бывшего санатория. Красной линией обвели участок вокруг сгоревшего корпуса, синей — дорогу. Нина увидела слово «мемориал» возле места, где, как ей казалось, находилась площадка для построений.

— Мы хотим сохранить сосны и сделать общественный сад, — сказала Лилия. — Корпус не восстанавливать. Законсервировать часть стены, если специалисты разрешат. Там сейчас земля распределена между разными владельцами, часть в аренде. Все эти вещи мы отдельно выясняем. Два года.

— Валерий Андреевич участвовал?

— Первым подписал. В прошлом году обещал передать деньги на проект. Потом сказал, ждёт выплаты за книгу. Или за фильм. Я не поняла. До денег мы не дошли, так что я не уточняла.

Нина посмотрела на нижний край карты. Там стоял логотип бюро Олега Лунина. Совсем небольшой, как подпись со-

ставителя.

— Его сын делал проект?

— Эскиз. Бесплатно. Он тут с нами спорил, что стена опасна и лучше оставить только фундамент. Родители против, им нужно, чтобы было видно, где всё произошло. Мне фундамент ближе, если честно. Но у меня нет права единолично решать.

Лилия сняла с полки папку, раскрыла на списке. В графах стояли фамилии родственников, контакты, пожелания. Напротив Галины Серебряковой — «согласна с сохранением стены». Напротив Шубина — «за полный музей».

— Мама говорит, ты не любишь публичность. Нам не нужно твоё лицо. Нужно понять, разделяешь ли ты её позицию. Она расписалась от семьи, пока тебя не было. Теперь ты приехала, можно уточнить.

Нина не сразу ответила. Слово «семья» было напечатано в шапке таблицы. Оно превращало мать и дочь в одну строчку, которой удобно пользоваться.

— Я не знаю, что думаю о стене.

— Тогда можно не ставить отметку.

— А её подпись от моего имени действует?

Лилия нахмурилась.

— Это не доверенность. Здесь мнение, не юридическое согласие. Земля не принадлежит родственникам. Мы стараемся услышать всех, чтобы потом не вышло, что мы и за вас решили.

— Уже вышло.

Лилия посмотрела на таблицу, потом на Нину. Вынула лист из файла.

— Хорошо. Добавлю тебя отдельной строкой. Без отметки.

Она взяла ручку, но Нина остановила:

— Номер не пишите в общий список. Мне уже звонят.

Лилия кивнула, сложила лист. Молодой человек за стеной уронил что-то плоское, выругался и сразу сказал «извините». Лилия ответила громко: «Лишь бы не стекло!»

Лилия спросила, с кем из выживших детей Нина поддерживает связь: фонд разыскивал их для встреч. Нина назвала Костю Горина.

— Костя с нами не хочет. Я понимаю. Его каждый год сначала зовут в школу, потом ещё просят выступить бесплатно. Он теперь отвечает: «Вы лучше детей шахматам научите». И прав.

— А другие?

— Есть Виктория Антонова. Ты могла её помнить. Она недавно переехала сюда, раньше жила в Твери. Я ей напишу, спрошу, можно ли дать номер. Без её разрешения не дам.

— Спасибо.

Нина стала рассматривать карту. Если сад будет здесь, где же будут склады, дорога, соседние постройки? Красная линия резала территорию посередине. На одной стороне дети, на другой — земельный участок, которому требовались

въезд и коммуникации.

— Кто заплатит за благоустройство?

— Пока никто. Заявку вернули на доработку. Есть предприниматель, готов оплатить скамейки, если поставим его название. Я против. Другой хочет кофейный павильон на въезде. Тут я не против, если аренду направлять на уборку. Шубин считает, на костях кофе пить нельзя. А я считаю, место, куда никто не приходит, зарастёт и опять будет свалкой.

Лилия говорила резко и деловито. Потом заметила Нинино лицо и убрала папку.

— Не надо тебе сейчас этого. Я не подумала. Прости.

— Вы сына там потеряли?

Она прочла фамилию Седых в одном из списков, но не могла вспомнить имя ребёнка.

— Яшу. Шесть лет.

Лилия не посмотрела на фотографию, не сделала паузу длиннее необходимого. Папка уже лежала на полке.

— Катя родилась через три недели после пожара. Я тогда думала, не смогу её взять. Что смотрю на неё, а должна смотреть на него. Потом оказалось, дети не ждут, пока ты всё правильно почувствуешь. Есть хотят. Кричат. Сейчас ей двадцать восемь, выставки делает, а я всё ещё думаю, не слишком ли много на неё взвалила самим её рождением.

За стеной молодой человек позвал Лилию: не мог решить, в каком порядке повесить два снимка. Она ответила, что скоро придёт.

— Мне нужно спросить, — сказала Нина. — Валерий Андреевич говорил, почему сейчас собрался отдать архив? Именно сейчас.

Лилия прислонилась к столу.

— Он плохо себя чувствовал. И с сыном ругался. Но я не знаю, связано ли это. Он хотел на открытии сада сказать речь. Ещё год назад хотел. Прислал черновик, мы с Шубиным разнесли. Там выходило, что врачи сделали всё возможное, а плохой электрик испортил им жизнь. Мама твоя тоже была против.

— Она против чего?

— Против речи. Сказала, хватит детям посмертно за взрослых отвечать. Я запомнила. Хорошо сказала.

Нина стояла перед картой. Галина могла сказать это. Действительно могла — с нажимом, чуть наклонив голову, и все кивнули бы. Нина тоже кивнула бы, если бы сидела рядом.

— Черновик остался?

— В почте. Если нужен для следствия, передам. Тебе просто так пока не стану, в нём чужие имена и медицинские подробности. Он опять налепил всего. Я его просила убрать, не знаю, убрал ли.

Лилия достала телефон, записала контакт Рогова. Нина не стала уговаривать её показать письмо. Уже видела, как легко желание узнать становится правом на всё, что лежит у другого человека.

На выходе молодой человек прикладывал к стене фото-

графию мокрого окна. На стекле отразилась рука человека, который снимал изнутри. Лилия попросила опустить на два сантиметра, тот возразил, что ряд уйдёт. Они стали спорить, забыв о Нине.

Телефон показал шестнадцать двадцать. Пришло сообщение Марины. Нина написала, что успеет, и пошла к троллейбусной остановке, на ходу убирая визитку фонда в отдельный карман.

6

Марина прислала сообщение: «Есть документы комиссии без ограничений. Читальный зал закроем, но могу принять по Вашему запросу сегодня до 17. Прошу не опаздывать».

До пяти оставалось сорок минут. Нина свернула с дороги домой, пересела на троллейбус и приехала с девятью минутами запаса. Школьниц у архива уже не было. На стеклянной двери белел лист: «В связи с техническими причинами обслуживание временно приостановлено».

Охранница провела её не наверх, а в маленькую комнату за своим постом. Здесь стоял один стол под камерой, старый компьютер без клавиатуры и стеллаж с пустыми лотками. Марина принесла папку, объяснила правила, попросила расписаться за дело.

— Снимать можно. Листы не разбирать. Если плохо открывается, позовите меня, не прижимайте.

Слово «пожар» на обложке было напечатано через бледную копирку. Под ним от руки исправили номер фонда. Нина перевернула обложку и увидела чью-то карандашную галочку возле своей фамилии.

В первые дни после пожара комиссия описывала ущерб. Шесть кроватей металлических, шкаф с бельём, два телевизора, настенные часы. Затем появились погибшие — отдельным приложением после имущества. Лида числилась Серебрянской Лидией Ивановной, 1931 года рождения, проживала по адресу: улица Ивовая, дом 7, квартира 2. Причина смерти — отравление продуктами горения. Нина переписала данные в тетрадь, хотя знала, что ей это не нужно.

ряковой Л. М., 1990 года рождения. Нина провела пальцем по воздуху над строкой, не касаясь бумаги.

Дальше шли протоколы осмотра, объяснения сотрудников, схема этажа. На схеме корпус выглядел маленьким: восемь прямоугольных палат, коридор, лестница, выход во двор. Стрелки эвакуации были нарисованы красным поверх чёрных стен. Одна стрелка проходила сквозь дверь, которую Нина помнила закрытой.

Утверждал схему Лунин. О выполнении предписаний отчитывался завхоз. Под тремя строками о ночных обходах стояла подпись матери.

Нина знала, что мать была старшей медсестрой. Удивляться было нечему. Она всё равно несколько секунд смотрела на знакомую букву «Г», похожую на цифру семь.

Ночная смена начиналась в восемь. Пожар обнаружили в двадцать один час двенадцать минут — это время было повторено на разных листах, один раз с исправлением: сначала написали «21.20», потом зачеркнули. Дежурная медсестра отсутствовала на посту «в связи с сопровождением пациента в санитарное помещение». Мать должна была закончить работу в шесть.

В объяснении она сообщала, что оставалась в корпусе для передачи лекарственных средств и покинула его около восьми.

Нина сфотографировала лист. Снимок вышел кривым, пришлось переснять.

— Времени не хватает? — спросила Марина от двери.

— Ещё минут десять можно?

— До половины. Потом мне нужно уходить.

Нина кивнула и перевернула страницу.

В протоколе от двадцать четвёртого сентября вопрос о ключах выделили отдельным пунктом. Ключ от запасного выхода «по существовавшему порядку находился в доступном персоналу месте». Какое место считалось доступным, не уточнялось. Ниже: «Получены противоречивые сведения. Рекомендовано установить в ходе следственных мероприятий».

На последнем листе — список членов комиссии. Вера Николаевна Корнеева, секретарь.

Марина стояла у окна с телефоном в руках. Прочитала сообщение и быстро набрала ответ одним большим пальцем.

— Ваша мама была в комиссии?

Палец остановился.

— Секретарём. По линии администрации. Она протоколировала.

— Вы поэтому знали про пожар?

— Нина, у нас весь город знал про пожар.

— Я не о том. Вы говорили с ней об этих документах?

— Раньше — нет. Сейчас маме восемьдесят один. Не уверена, что она вспомнит.

Нина закрыла папку, оставив внутри полоску бумаги вместо закладки.

— Вы не хотели сказать мне сами?

— А что я должна была сказать? «Приятно познакомиться, моя мама печатала протокол, по которому посадили вашего папу»?

— Его посадили не по протоколу комиссии.

— Да. Но разговаривать мы сейчас будем именно об этом.

Марина положила телефон на подоконник экраном вниз.

— Она не была врачом и в корпусе в тот вечер не находилась. Я уточнила вчера. На всякий случай. Вы можете написать запрос на её объяснения, если они есть в деле. Мне лучше не помогать вам их искать.

— Почему?

— Потому что мне уже хочется сказать, что мама очень честный человек. А это к документам отношения не имеет.

Нина посмотрела на закрытую папку. Время на экране телефона сменилось: 17:26.

— Спасибо, — сказала она.

Марина не стала отвечать «не за что». Забрала дело, сверила количество листов, записала время возврата.

На улице Нина открыла фотографии. Только теперь заметила на обороте одного из листов проступившие через бумагу строки: графы, подписи, длинное наименование. В самом деле этого листа не было; он отпечатался с другого документа, когда бумаги лежали вместе. Разобрать удавалось только конец: «…приёма и сдачи ключей».

Она приблизила снимок, но буквы распались на серые

квадраты.

Вернулась к двери. Марина уже запирала внутреннюю решётку.

— Там журнал был. Ключей. В приложениях его нет. Его можно найти?

— По описи посмотрю. В понедельник.

— Можно я пришлю номер листа?

— Пришлите.

Марина проверила замок и опустила ключи в сумку.

— Вы сегодня поешьте, — сказала она.

Нина засмеялась. Неожиданно для себя, коротко и зло.

— Простите. Просто все мне это говорят.

— Это легче, чем сказать что-нибудь полезное.

Они дошли до перекрёстка вместе. На другой стороне стоял микроавтобус с откидной рампой. Водитель махнул Марине, и она пошла быстрее.

Нина осталась ждать зелёного. Она открыла снимок материнского объяснения, ещё раз прочла «для передачи лекарственных средств» и закрыла.

На переходе женщина с коляской попросила помочь. Нина взялась за раму, они вместе подняли передние колёса на бордюр. Ребёнок проснулся и возмутился. Нина придержала коляску, пока женщина устраивала одеяло.

* * *

До дома можно было дойти через площадь или вдоль больничного забора. Нина выбрала площадь. Хотела купить

воды, вспомнила, что автомат есть в городском музее, и свернула к низкому жёлтому зданию с двумя колоннами.

В школьные годы их водили сюда каждую осень. Мамонтова кость, ржавая пушка, купеческая гостиная. Потом в дальнем зале появился пожар. Нина ни разу его не видела: мать говорила, не нужно лишний раз, а сама ходила на открытие.

У кассы сидела молодая женщина с ярко-розовыми ногтями. На столе лежал бутерброд, аккуратно прикрытый салфеткой. Музей закрывался через двадцать минут. Нина спросила про автомат, женщина показала в коридор. Билет в зал пришлось купить отдельно.

— Мы в шесть, — предупредила кассир. — Не выгоняю, только чтобы Вы знали.

Нина купила билет. Воду выпила почти целиком, бутылку убрала в сумку.

Дальний зал назывался «Город в конце века». Между фотографиями первого кооператива и школьной компьютерной комнаты стояли три застеклённые витрины. Над ними — снимок сгоревшего корпуса, увеличенный так сильно, что изображение распалось на чёрные и белые точки. Пять детских портретов шли в ряд. Под каждым фамилия, имя, даты.

Лиду фотографировали в тот же день, что для памятника. Только здесь снимок обрезали выше, и не было видно, как она держала воротник: блузка кололась у шеи, она оттягивала ткань большим пальцем. Нина вспомнила это движение,

посмотрела на свою руку. У неё был тот же жест, когда новый свитер оказывался неудобным.

В первой витрине лежали газетные вырезки. Во второй — каска, кусок оплавленной пластмассы, медицинский бинт, который кто-то сохранил. Третья рассказывала о следствии. Копия приговора, вырезка с фотографией отца, крупный заголовок «Цена преступной беспечности».

Нина прочитала подпись: электрик М. В. Серебряков допустил неисправность проводки и запер эвакуационный выход. Не «признан виновным в том, что». Просто допустил и запер. Окончательное прошлое, не требовавшее источника.

Она достала телефон, сняла подпись. На стекле отразилось её лицо поверх отцовской газетной фотографии. Пришлось переступить в сторону и сделать ещё снимок.

На стене висели фотографии взрослых: пожарные, Костя, Лунин в белом халате. Под доктором было написано, что он организовал психологическую помощь детям и семьям. Нина знала, что это правда. Он действительно организовал. Вопрос был в том, что именно произошло внутри этой помощи, но в небольшую музейную подпись вопрос не помещался.

Кассир заглянула из коридора.

— Ещё десять минут. Если нужна консультация, научный сотрудник завтра. Я тут только присматриваю.

— Кто писал текст?

Женщина подошла ближе, прочла табличку.

— Здесь куратор указан. И консультанты. Вон там в кон-

це, справа.

В списке консультантов были Лунин, Галина Серебрякова, Сергей Шубин. Нина прочла три фамилии, которые провели с ней последние двое суток, и не смогла решить, удивилась ли. Вероятно, кто-то должен был сказать музею, как всё было. Сказали те, кто остался и мог прийти.

— Я дочь Серебрякова, — сказала Нина.

Кассир перестала жевать. Бутерброд был оставлен в коридоре, но она всё ещё дожёвывала последний кусочек.

— Понятно.

Она посмотрела на портреты, потом на Нину.

— Вы хотите что-то убрать?

— Пока не знаю. Исправить, возможно. Там сейчас проверяют обстоятельства.

— Я видела новости. Про доктора. Может, Вы оставите заявление? Не мне. В канцелярии. Я передам.

Женщина говорила с осторожностью человека, у которого есть ключи от зала, но нет права менять одну строчку. Нина почувствовала, как легко было бы сейчас рассердиться именно на неё. Потребовать, чтобы сняли, закрыли, признали, кто сделал эту витрину.

— Оставлю, — сказала она.

Кассир принесла чистый лист. Нина написала, что просит сообщить источники текста и порядок внесения уточнений. Не потребовала немедленно заменить одного виновного другим. Подписала, оставила почту. Женщина поставила дату

приёма и свою подпись на копии.

— Я не знаю, когда ответят. Директор в отпуске. Но не потеряется.

— Спасибо.

Нина вернулась к витрине. В нижнем углу лежала детская тетрадь по русскому, обгоревшая с одной стороны. Подпись указывала владельца — Николай Шубин. Она долго смотрела на ровные строчки. Шубин принёс в музей вещь, которую не принёс бы другому человеку домой. Чужие посетители каждый день склонялись над его сыновьим почерком. А сам он в это время уговаривал Тамару выпить воду.

В зал вошла женщина с мальчиком лет десяти. Опоздали, кассир предупреждала их про закрытие, но пропустила. Мальчик хотел к пушке, женщина подвела его к портретам.

— Видишь, сколько детей. Поэтому всегда нужно слушать взрослых, когда говорят, куда идти.

Нина повернулась так резко, что сумка ударила о край витрины.

Женщина посмотрела на неё.

— Что?

Мальчик тоже смотрел, удерживая в руке мятый билет.

Нина могла бы сказать, что взрослые велели сидеть в палатах, что одна из этих девочек ждала мать, что другое взрослое слово потом заставило её обвинить отца. Но тогда всё это услышал бы незнакомый ребёнок, которому не было дела до её прошлого и который ещё не успел захотеть слушать.

— Дети здесь не нарушали правила, — сказала она. — В подписи не об этом.

Женщина нахмурилась. Наклонилась, прочла табличку. Пожала плечами.

— Я вообще сказала. Урок безопасности.

— Понимаю.

Нина отступила, освобождая им место. Не стала следить, что женщина прочтёт дальше. Кассир выключила свет в соседнем зале, подождала у двери. Посетители потянули мальчика за рукав, он пошёл, оглядываясь на пушку.

Снаружи площадь была мокрой и почти пустой. У цветочного киоска мужчина держал букет, из упаковки текла вода. Нина остановилась под козырьком и написала знакомой юристке: попросила порекомендовать специалиста по пересмотру старого дела.

Она убрала в папку копию заявления с датой и подписью кассира. Бутылка была почти пустая; на остановке Нина допила воду и выбросила её в урну.

7

В квартире пахло луком, но супа на плите не было. Мать готовила начинку для пирога. Стояла боком к столу и быстро рубила яйца, придерживая их согнутыми пальцами.

— Купила тесто. Помнишь, ты с яйцом любила?

— Помню.

— У Ирины с сахаром плохо, ей не понесу. Соседке отдам половину.

На спинке стула лежала выстиранная сумка. Подкладка уже была заправлена внутрь. Нина повесила пальто, вымыла руки, вернулась на кухню.

— Мам, поговорим сейчас.

Мать соскребла яйца с доски в миску.

— Я слушаю.

— Не так.

— А как?

Нина отодвинула от стола соседний стул.

— Сядь.

Галина Павловна посмотрела на него, затем выключила духовку, которую только начала разогревать. Села, сняла с пальца кольцо и положила на клеёнку. Кольцо мешало месить тесто; она всегда снимала его перед готовкой. Нина поймала себя на том, что пытается увидеть значение даже в этом.

— Олег сказал, Валерий Андреевич хотел встретиться

втроём.

— Хотел.

— Почему ты не сказала?

— Я отказалась.

— От встречи?

— Нин, мне каждую фразу уточнять?

— Да. Сегодня — да.

Галина Павловна подтянула рукав кофты. На запястье, с внутренней стороны, белел старый неровный шрам. Отец толкнул её, она упала на разбитое стекло. Нина знала и другую версию: мать оступилась, когда мыла окно. Для родственников у них была вторая.

— Он позвонил во вторник. Сказал, ты приедешь. Что давно пора поговорить. Я сказала: с Ниной я могу поговорить дома. С ним мне разговаривать не о чем.

— Ты к нему ходила?

— В среду.

Нина положила руки на колени, чтобы не сжимать край стола.

— Вчера ты говорила, давно не была в архиве.

— Я не говорила «давно». Ты спросила про лампу, я сказала, была.

— Ты сказала про тёти Тонины документы.

— Потому что ты спросила про архив, а не про него.

Мать встретила её взгляд и отвела первой.

— Да, выкручивалась. Не хотела рассказывать. Ты только

приехала, а мы уже сидим как на допросе.

— Зачем ты ходила?

В прихожей зазвонил телефон. Мать обернулась, но не встала.

— Чтобы он оставил тебя в покое.

— С чего ты решила, что мне это нужно?

— Ты девять лет из-за этого спать не могла. Каждую ночь вставала. В три часа, в четыре. На стенку смотрела. Я тебя звала — ты не отвечала. Ты думаешь, я должна была обрадоваться, что он достал свои плёнки?

— Мне было одиннадцать. Сейчас тридцать девять.

— Я умею считать.

Телефон смолк. Мать потёрла безымянный палец там, где было кольцо.

— Он говорил, что на записях?

— Что ты рассказывала после пожара.

— И всё?

Галина Павловна встала, подошла к плите, вернулась, не прикоснувшись к ней.

— Нет. Не всё.

Она взяла кольцо и надела обратно.

— У нас были отношения. С ним. Тогда.

Нина услышала со двора металлический лязг: дворник перевернул мусорный бак на колёса. Мать смотрела на доску с крошками желтка.

— До пожара?

— Да.

— Давно?

— Какая разница?

— Мне есть.

— С весны. Иногда. Это не было так, как ты сейчас думаешь.

— Я пока ничего не думаю.

— Думаешь. По лицу вижу.

Нина провела языком по внутренней стороне щеки. Утром она прикусила её и всё время попадала на ранку.

— Папа знал?

— Догадывался. Ему не нужно было знать. Ему достаточно было, чтобы я не сразу пришла домой.

Мать подняла запястье, но не показала его Нине — просто опустила ладонь на стол шрамом вверх.

— Я не оправдываюсь. Ты спросила — я сказала.

— В среду он об этом хотел поговорить?

— Он говорил, мы должны быть с тобой откровенны. Под старость ему понадобилось. А мне надо было приехать домой и сказать: Нина, мужчина, который тебя лечил, спал с твоей матерью? Зачем? Что ты с этим сделаешь?

Нина отодвинулась от стола.

Она вспомнила Олегову дачу, фотографию, незнакомого мальчика. Вспомнила, как мать заплетала Лиде косу в зеркале заднего вида, когда их кто-то подвозил, — и не смогла определить, настоящее это воспоминание или картинка, ко-

торую она только что изготовила из новых слов.

— Папа поэтому пришёл в тот вечер?

— Может быть.

— Ты его видела?

— Днём. Он был пьяный. Валерий его выгнал.

— Восемь вечера — это день?

Мать посмотрела резко.

— Что?

— Я читала твоё объяснение. Ты оставалась до восьми.

— В архиве?

— В архиве.

Галина Павловна молча сгребла ладонью крошки со стола. Уронила их в миску с начинкой, заметила, вытащила крупную крошку обратно.

— Отец приходил раньше. Я передавала смену и ушла. Почему осталась — там написано.

— Ты была у Лунина, когда загорелось?

— Нет.

Ответ прозвучал сразу.

— Где ты была?

— Дома. Пришла домой. Включила телевизор. Соседка постучала, сказала, дым над соснами. Я побежала.

— Ты это помнишь или знаешь из объяснения?

Мать подняла глаза.

— Ты слышишь, как со мной разговариваешь?

Нина встала. Стул задел обогреватель, тот заскрежетал

ножками по линолеуму.

— Я не понимаю, о чём мне ещё можно спрашивать. Ты отвечаешь только на тот вопрос, который я угадала.

— Потому что я не обязана рассказывать тебе всю свою жизнь.

— Не обязана.

Они стояли по разные стороны маленького стола. Тесто на противне поднималось буграми из-под полотенца.

— Я одна осталась, — сказала мать. — У меня ребёнок умер. Муж в тюрьме. Второй ребёнок каждую ночь…

— Не надо меня считать.

Мать замолчала.

Нина встала, но не ушла. Мать отвела глаза к противню.

— Я завтра заберу письма папы. Если они есть.

— Там ничего хорошего.

— Я не за хорошим.

Галина Павловна опустилась на стул. Выглядела теперь старше, чем утром: без движения стали видны отёки под глазами, сетка мелких сосудов у носа. Нина заметила и это, и то, что ей хочется отменить разговор, забрать все вопросы обратно.

— Они в верхнем шкафу, — сказала мать. — В коробке от мясорубки. Я сама достану, ты со стула упадёшь.

Нина не стала спорить про стул.

Мать поднялась, включила духовку. Достала из ящика вилку, которой прокалывала тесто, и держала её зубцами к

себе.

— Ты от него ничего другого не слышала? — спросила она.

— Когда?

— На записи.

Нина посмотрела на вилку.

— Почти ничего. Я скорую вызывала.

— Ну и хорошо.

Мать поправила полотенце, хотя сейчас всё равно должна была его снять.

— Я имею в виду, не пришлось одной всё это слушать.

* * *

В больничный архив она позвонила перед сном.

Номер нашла на сайте, не рассчитывая, что кто-то ответит. Ответили: женщина сказала «дежурная», и Нина по привычке назвала фамилию, год рождения, начала объяснять про старую историю болезни. Женщина остановила её на третьем предложении.

— Архив по будням. Сейчас приёмное отделение. У нас другой номер в расписании указан, я утром передам, чтобы исправили.

Нина извинилась. Почти положила трубку, но дежурная спросила, срочно ли.

— Двадцать восемь лет прошло. Нет.

— Тогда запишите правильный. Не ищите в интернете, там везде наш.

Нина записала. Мать в соседней комнате закрывала шкаф. Они с ужина почти не разговаривали. Пирог остался в кухне, накрытый полотенцем. Перед тем как лечь, Нина отрезала кусок и съела стоя, над тарелкой, чтобы не крошить. Мать вышла за водой, увидела и ничего не сказала.

Утром ответил автоответчик: архив работает с понедельника по пятницу. Нина записала часы приёма.

Нина заполнила электронное обращение, но форма не позволяла указать отделение, которого больше не существовало. Из списка нужно было выбрать действующее. Она дошла до конца, увидела обязательное поле «филиал» и закрыла страницу, не отправив.

В девять ей нужно было встретиться с Костей. До выхода оставалось сорок минут. Нина написала запрос от руки: сохранилась ли история её лечения после пожара и можно ли получить копию. Слово «доказательства» перечеркнула, переписала лист начисто.

Мать заглянула, когда Нина переписывала чистовой вариант.

— В институт опять?

— В больницу.

— Зачем?

— Хочу свои записи получить. Если остались.

Галина Павловна вошла, взяла черновик за свободный край. Нина не успела возразить, но мать только посмотрела на шапку.

— Не туда пишешь. Тогда областная принимала, не городская. Вы в детском отделении лежали, но отдельного юридического лица ещё не было. Это потом всё разделили. Архив у них на Угловой, в подвале административного. Я там копию своей трудовой делала.

Она продиктовала название, дождалась, пока Нина исправит.

— Спасибо.

— Я сама могу подать, всё равно рядом буду.

— Нет. Я сама.

Мать положила черновик обратно, положила так же ровно, как взяла.

— Как хочешь. Только паспорт не забудь. По телефону тебе ничего не дадут.

Нина посмотрела на исправленную шапку. Мать точно знала, куда обратиться. Черновик с неправильным адресом она положила под заявление.

В понедельник она принесёт заявление, но сегодня положила его в папку, поверх распечатанной переписки с Луниным. На обороте черновика остался перечёркнутый неправильный адрес. Нина не выбросила и его: через неделю снова станет искать, куда звонила, если не запишет сейчас.

Выходя, она задержалась у прихожей. Мать стояла в кухне возле окна, поворачивала противень, проверяя, остался ли снизу жир. Отец когда-то смеялся над ней, что она даже бумагу от масла моет. Нина услышала его голос так ясно,

как будто он находился в соседней комнате: насмешливый, не злой, пока не возразят.

Она сказала матери, что вернётся к обеду, и тут же поняла, что не знает, вернётся ли. Добавила:

— Если планы изменятся, напишу.

Галина Павловна кивнула, не отрываясь от противня.

* * *

Сентябрь 1997 года

За шесть дней до пожара Лида потеряла красный сапог.

Нина помнила этот воскресный день не как последний хороший и не как предупреждение. После обеда им разрешили выйти за ограду с матерью. Шёл дождь, но мать сказала, что воздух полезнее сидения под одеялом, и велела надеть сапоги. Лида заявила, что в них неудобно, потому что они девчачьи. Сапоги достались от Нины, на боку каждого была белая ромашка.

— Ты у нас кто? — спросила мать, затягивая на ней капюшон.

— Человек.

Нина засмеялась. Мать тоже, но тут же поправила шапку, потому что Лида вывернулась из-под её рук.

Они пошли к пруду. За корпусом начиналась тропинка, по которой санитар носил на кухню мешки с картошкой, чтобы не делать крюк через ворота. Дети ходить туда не должны были. С матерью можно было. Нина всё время удивлялась, как быстро место меняется от присутствия взрослого: та же

грязь, те же доски через канаву, а опасности нет.

У пруда рос большой клён. Лида собирала листья, только красные, жёлтые отбрасывала. Нина подбирала жёлтые следом и складывала один на другой, чтобы потом сделать букет. Мать стояла под деревом, курила, держа сигарету низко, возле ноги. Детям разрешала думать, что они не видят.

— Ты хочешь в городе жить или тут? — спросила Лида.

— В городе, конечно.

— Я тут. Здесь нам рыбу готовят, а дома мама только суп.

— Здесь тоже суп.

— Но не только.

Нине хотелось домой — закрыть дверь и не слушать, как кашляют другие дети. Лида же утром проверяла, осталась ли Вика в соседней палате, и радовалась, если оставалась.

— У тебя просто нет уроков, — сказала Нина.

— Зато у меня процедуры.

— Процедуры меньше.

— Тебе поставят трубочку в нос, ты потом скажешь, меньше или нет.

Лида сказала это с таким торжеством, что Нине захотелось шлёпнуть её букетом. Вместо этого она пошла вперёд. Под ногой хлюпнуло.

За клёном была низкая топкая полоска у воды. Мать велела туда не лезть. Лида, конечно, полезла, потому что с той стороны лежал большой красный лист, целый, без дырок. Она протянула руку, шагнула, потом попыталась вытащить

ногу и осталась в одном носке.

— Мам!

Нина обернулась. Красный сапог торчал из грязи, как будто в нём ещё была нога. Лида держала лист обеими руками, чтобы не уронить, и стояла на одной ноге.

Мать бросила сигарету, придавила носком.

— Я тебе что сказала?

— Он снялся!

— Сам?

— Да!

— Господи, Лида.

Мать подошла, подхватила её под мышки и отнесла на твёрдое. Нина выдернула сапог. Грязь чмокнула так смешно, что она снова засмеялась. Лида обиделась. Прижимала к груди лист, посиневшей ступнёй тыкалась матери в пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.